

ИНСТИТУТ США И КАНАДЫ

© 2017 г. **В.П. Лукин***

Статья поступила в редакцию 4.05.2017.

В первый раз словосочетание “институт Америки” я услышал совершенно внезапно и довольно случайно. Дело в том, что с 1961 по 1964 г. я учился в аспирантуре Института мировой экономики и международных отношений. Ближе к концу моего аспирантского срока в отделе международного рабочего движения появился новый человек – заведующий сектором Георгий Аркадьевич Арбатов. Он только что приехал из Праги, где работал в международном журнале “Проблемы мира и социализма”. Это был журнал коммунистических и рабочих партий и по существу представлял собой филиал международного отдела ЦК КПСС. Георгий Аркадьевич сразу же обратил на себя общее внимание – и своим опытом, и своими знаниями. Видимо, и он заметил молодого аспиранта, так как несколько раз мы встречались и беседовали на различные профессиональные и более общие темы. От этих бесед у меня осталось очень хорошее впечатление.

Прошло немного времени, я защитил диссертацию и уехал в Прагу работать в том же самом журнале. Это была очень интересная работа, продолжавшаяся с 1964 по 1968 г., но, как говорится, это уже другая история.

А что касается Института США, то Георгий Аркадьевич в 1967 г., приехав в Прагу на совещание европейских коммунистических партий и зайдя в редакцию журнала, заглянул ко мне. Он рассказал, что сейчас возглавляет группу консультантов в отделе ЦК, которым руководил в то время Ю.В. Андропов. Тут же Арбатов предложил мне поработать под его руководством в этой группе. Правда, он сказал, что я неприлично молод, поэтому сразу он меня консультантом не сделает, а сделает референтом, но в близком будущем, он в этом уверен, данный вопрос будет решён. Конечно, для того времени это было очень лестное и почётное предложение. Однако в разгаре была “пражская весна”, и наблюдать её мне, молодому человеку с вполне определёнными убеждениями, было крайне важно и очень интересно. Я сказал, что сейчас никак не могу оставить работу, и попросил его чуть-чуть подождать. Он ответил, что может подождать месяца три-четыре, но не более того, поскольку за это время он должен сформировать всю группу. Я всячески оттягивал решение, но тут наступил август 1968 г., и ситуация резко изменилась, в том числе и моя личная ситуация, поскольку я, высказав своё несогласие с вводом наших

* ЛУКИН Владимир Петрович, доктор исторических наук, профессор, член Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. Российская Федерация, 103426 Москва, ул. Большая Дмитровка, 26.

войск в Чехословакию, был выслан из Праги. И моё положение, как легко догадаться, стало совершенно иным, чем раньше,

Незадолго до этого, ещё в Праге, я узнал, что Георгий Аркадьевич ушёл из ЦК и возглавил новый научно-исследовательский институт – Институт Соединённых Штатов Америки. Вернувшись, я отправился на поиски этого института. Найти его было нелегко, ведь это центр Москвы, где, как известно, множество маленьких кривых улочек. Институт располагался рядом с Арбатской площадью, в старом дворянском особняке, охраняемом государством, но при этом, естественно, полуразрушенном. Он был в ужасном состоянии и больше походил на здание, которое реставрируют, чем на то, в котором можно работать. Туда я и пришёл. В одной из комнат сидели несколько человек – Г.А. Арбатов, В.В. Журкин, который только что появился там, и ряд других людей. На подоконнике стояла бутылка водки, и они выпивали по случаю обретения только что полученного жизненного пространства. Вся атмосфера мне, как идейному неформалу, очень понравилась. Георгий Аркадьевич мне сказал, что если я хочу работать в институте, то нам надо поговорить. Он долго расспрашивал меня о том, что и как происходило в Праге. По интонации я понял, что люди, собравшиеся в этой комнате, во многом согласны со мной в оценках, в том, что ввод войск был большой трагической ошибкой. И через некоторое время, которое, как впоследствии выяснилось, понадобилось, чтобы уладить непростое моё положение в разных высоких инстанциях, я поступил на работу в Институт США. Был сентябрь 1968 года. Г.А. Арбатов сразу сказал, что институт будет заниматься не только исследовательскими работами, но и делами “конкретно политическими”. Он выдвинул такую формулу: “доведение научных исследований до уровня конкретных рекомендаций”. Это мне было вполне по духу, работа меня зажигала, она была очень интересной и яркой.

В молодом коллективе создалась лучшая из всех возможных, на мой взгляд, атмосфера “просвещённой монархии”. Правда, всё же она имеет один недостаток: с годами становится всё менее просвещённой и всё более монархией. О чём я не замедлил сказать, со всей своей бестактностью, на общем собрании в присутствии директора. По-моему, он не очень обиделся. Внутри института можно было говорить и предлагать всё. Он быстро сделался очень модным по двум причинам: с одной стороны, было ощущение, что директор может доводить наши исследования до самого верха, и там есть шанс на их реализацию, а с другой стороны, в связи с тем, что отношения с Америкой и сама Америка были темой номер один в международной жизни нашей страны. Поэтому в институт стремились прийти люди самые яркие и талантливые. А у Георгия Аркадьевича было на них чутьё. Это были выходцы и из научной сферы, и из среды журналистов, и дипломаты, которые проявили себя как аналитики, а также выходцы из спецслужб с широким и незамыленным взглядом на внешние дела. Критерий был один – их умение нестандартно мыслить, достаточно скептическое отношение ко всяким идейным догмам, а ещё ощущение, что можно делать всё и говорить всё, выдвигать любые, даже самые завиральные идеи, которые потом либо отсеивались, либо становились частью нашей работы.

Это было прекрасное время: безусловно, в 1960–1970-е годы Институт США (а с 1974 г. – США и Канады) играл значительную роль, и постепенно наше влияние и наш вклад в то, что тогда называлось разрядкой международной напряжённости, становились достаточно заметными. Мы ощущали, что делаем большое дело, предотвращаем какие-то конфликты, сглаживаем острые углы, что мы создаём возможность для достижения договорённости в таких моментах, в которых договорённость казалась невозможной, просто немыслимой, например, в области разоружения, в том числе стратегического разоружения. И это давало ощущение смысла жизни, оставляя как бы в стороне те “свинцовые мерзости”, которыми зачастую были наполнены некоторые аспекты внутренней жизни, убеждало в том, что мы делаем реально полезные вещи. Собственно, однажды Георгий Аркадьевич мне так и сказал: “Ты что лезешь во внутренние дела, тебе что, не нравится наша работа во внешней политике?”. Конечно, я ответил, что мне наша работа нравится. “Ну и занимайся ею”, – сказал он, ограждая меня от всяких неприятностей.

Другой известный старшему поколению человек, умнейший политобозреватель, Александр Евгеньевич Бовин, с которым мне посчастливилось дружить, встретив меня однажды в Доме журналистов, так и сказал: “Ну что, профессор (он меня так называл), Юрка, как всегда, ограждает тебя от советской власти?”. Да, действительно, Георгий Аркадьевич ограждал меня от многого. Но не от всего. Какие-то неудобства всё же были. Так, будучи доктором наук и членом учёного совета, я был долгое время невыездным, а значит, в Соединённые Штаты не ездил. Поэтому иногда я говорил своим аспирантам: “Диссертация у вас неплохая, много интересных мыслей, но всё же вы скажите мне честно: а правда, что такая страна существует или вы всё это выдумали?”

В общем, это были замечательные времена. И я нигде больше так долго и так интересно не работал, как в Институте США и Канады. Я прожил там 19 лет – с 1968 по 1987 год. А когда началась горбачёвская перестройка, меня стали приглашать в различного рода учреждения, и в конечном счёте я соблазнился на Министерство иностранных дел. И надо сказать, к достоинству Георгия Аркадьевича, он не стал сопротивляться, хотя, как я могу судить, в том числе и по его воспоминаниям, с большим и даже, на мой взгляд, несколько преувеличенным уважением относился ко мне и моей работе.

Я думаю, общее дело порождает некое ощущение секты, потому что люди в чём-то себя стимулируют, например, в приобретении знаний, а в чём-то ограничивают. И такое ощущение секты, которая занимается очень важным общим делом, было в нашем институте. Очень серьёзное и увлекательное дело – преодоление стереотипов в отношениях между двумя самыми сильными и важными странами мира – объединяло людей, которые в другом случае никогда не объединились бы. Я помню многих, с кем в других ситуациях мне вряд ли было бы возможно найти понимание, но то общее, чем мы занимались, помогало нам. И если бы у института не было такого человека, директора, учёного и политика, как Георгий Аркадьевич с его пониманием и умением убедить высшее руководство страны, что главное – это всё же создание атмосферы

ры устойчивости в мире между нами и США, вряд ли работа была такой интересной и успешной.

У меня в этом большом исследовательском коллективе была специфическая задача, поскольку я довольно скоро стал руководить сектором дальневосточной политики США. Одной из стержневых основ того времени были отношения между СССР, США и Китаем. И в обстановке, когда идеология предполагала отношения двух лагерей – так сказать, хорошего социалистического и плохого капиталистического, эта идея центров силы разного рода была одной из самых актуальных. В моём понимании, это была идея сначала трёхполярности, а затем многополярности, и она стала постепенно играть в международной политике очень серьёзную роль. При этом подходе международные дела оказывались как бы автономной реальностью по отношению к идеологии. С одной стороны, существовали базовые идеологические разногласия с США, а с другой, более практической, очень жёсткие и даже враждебные отношения между СССР и Китаем в период культурной революции 1960-х и первой половины 1970-х годов.

В рамках такого подхода было бы вполне допустимо, что с Америкой отношения как будто бы конфронтационные как с “главным идейным врагом”. Тезис Ричарда Никсона “живи и давай жить другим” успешно взламывал идеологические завалы и создавал геополитическую базу для реальной разрядки. На самом деле, начиная с визита Р. Никсона в Китай, а потом в Москву в 1971 г., создаются совершенно другие отношения, основанные скорее на геополитических реальностях, а не на идеологических разногласиях. Всё это было очень интересно и само по себе, и понятийно, и с точки зрения практических рекомендаций. Например, чтобы занимать выгодное положение в этой треугольной конфигурации, необходимо было руководствоваться не какими-либо идеологиями, а просто иметь более конструктивные отношения с двумя другими странами, чем эти страны имели между собой. Треугольник крупнейших держав мира заработал на практике. Его начало положил визит Г. Киссинджера в КНР, а потом визит Р. Никсона в Китай в 1972 г. И не менее значимым стал их визит в СССР уже после визита в Китай. Это стало судьбоносными, стержневыми точками в тогдашних международных отношениях. И впоследствии привело меня к тому, чтобы написать книгу о центрах силы в мировой политике, которая тогда воспринималась как довольно важный концептуальный, я бы сказал альтернативный подход к внешней политике.

В общем, всё это делало работу в Институте США и Канады яркой, интересной и содержательной. Это была не просто работа, а настоящая и напряжённая жизнь, которая порождала тесные дружеские отношения с людьми, многих из которых, к сожалению, уже нет на свете. В нашем коллективе было ощущение, что мы делали большое настоящее дело, и оно не забудется, так как это – полезно стране и людям.

Я думаю, что если бы сейчас наше руководство в большей мере опиралось на суждения не очень узкого, а более широкого круга людей, на лучших представителей академической элиты, которые несколько шире, несколько обобщённое, исторически объёмнее смотрят на сиюминутные, конкретные международные отношения, это, мягко говоря, не помешало бы, и наша политика

была бы более взвешенной, зрелой и патриотической не в смысле громких слов, а в смысле конкретных дел, и, следовательно, политикой более эффективных и нужных людям решений.

50th Anniversary of ISKRAN

Institute for the U.S. and Canadian Studies

(USA ❖ Canada Journal, 2017, No. 7, p. 62-66)

Received 4.05.2017.

LUKIN Vladimir Petrovich, the Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation. 26, Bol'shaya Dmitrovka st., Moscow 103426, Russian Federation.

About the author:

LUKIN Vladimir Petrovich, Doctor of Sciences (History), Professor, Member of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation.